

В.П.Казаков¹
V.P. Kazakov

ИСТОКИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИО- ГРАФИИ АРГЕНТИНЫ

THE ORIGINS OF THE SOVIET HISTO- RIOGRAPHY OF ARGENTINA

Аннотация: В статье рассматриваются работы советских латиноамериканистов Волкова, Синани, Мирошевского, Моджинской, Наумова, Танина в 1920–1930-е годы. Особое внимание уделяется их оценке социально-экономической структуре Аргентины, роли латифундизма и иностранного капитала. По мнению советских латиноамериканистов, главным препятствием для прогрессивного развития Аргентины и других латиноамериканских стран являлась существовавшая в них социально-экономическая структура, основанная на латифундизме и иностранном капитале. Латифундизм являлся наследием оставленным Испанией. Основной причиной сохранения латифундизма они считали то, что Война за независимость не превратилась в буржуазную революцию, Латиноамериканские страны завоевали независимость, но не условия для свободного капиталистического развития, что привело к сохранению полуфеодального аграрного строя и последующей экспансии иностранного капитала. В результате этого латиноамериканские страны превратились в полукolonии. Вместо господства Испании установилось господство империалистических государств, в основном Ан-

¹ *Владимир Петрович Казаков* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории. *Vladimir P. Kazakov* – Institute of World History.

глии и США. Предлагаемые ими меры заключались в проведении антиимпериалистической, аграрной, буржуазно-демократической революции.

Ключевые слова: Аргентина, империализм, латифундия, зависимость, социально-экономическая структура, Коминтерн.

Abstract: The article analyzes the works of Soviet Latino-Americans Volkov, Sinani, Miroshchinsky, Modzhinskaya, Naumov, Tanin in the 1920–1930 years. Special attention is paid to their appreciation of the social economic structure of Argentine, the role of foreign capital and latifundism. According to the Soviet Latino-Americans the social economic structure based on foreign capital and latifundism was an obstacle to the progressive development of Argentine and other Latins. Latifundism was heritage left by Spain. They proclaimed that the main cause of conservation of latifundism was that War of Independence had not been transformed into bourgeois revolution. Latin-American countries conquered independence but not capitalist development that caused conservation of semifeudal agrarian regime and further expansion of foreign capital. As a result the Latin-American countries became semicolonies. Instead of Spanish rule appeared imperialist domination especially of Great Britain and United States. The remedy proposed was the realization of antiimperialist, agrarian, bourgeois democratic revolution.

Keywords: Argentina, imperialism, latifundio, dependence, social economic structure, Comintern.

DOI: 10.32608/2305-8773-2018-20-1-205-236

До революции в отечественной историографии не успело сложиться научное направление, изучающее историю Аргентины и других стран Латинской Америки. Рождение латиноамериканистики произошло в советское время и началось оно в значительной степени с изучения Аргентины в Коминтерне.

Уже в первые послереволюционные годы Аргентина не была "неизвестной землей", незнакомой для Советской России, и связано это было с присутствием там русских иммигрантов. Российская колония насчитывала 150 тыс. человек, из которых 50 тыс. являлись квалифицированными рабочими. Они концентрировались в промышленных центрах и на нефтяных промыслах "Камодоро-

Ривадавия" в Патагонии². От их представителей М. Александровского, П. Зебеля и М. Машевича в Москве в Коминтерне узнали о положении в Аргентине.

В обстоятельном докладе Машевича наряду с информацией о рабочем и профсоюзном движении, содержались сведения о социально-экономическом и политическом развитии страны. Он выделял два главных элемента социально-экономической структуры Аргентины – господство крупной земельной собственности в сельском хозяйстве и иностранного капитала в промышленности и торговле. «В Аргентине, как и во всей Южной Америке, – отмечал Машевич, – земля принадлежит нескольким дюжинам магнатов. Промышленность и торговля – иностранным трестам, в первую очередь Англии, затем США, Франции, Германии, Италии, Испании». «Аргентина, – заключал Машевич, – так и называется английской колонией». Он приводил и отраслевую структуру иностранных инвестиций: «Англия – железные дороги; США – фригорики; Германии – электричество»³.

Господствующие в земледелии арендные отношения, по мнению Машевича, носили капиталистический характер. «Земля арендуется иммигрантами за деньги, с спекулятивной целью, работают не интенсивно, а экстенсивно, не вглубь, а вширь, руководствуясь целью обогащения при хорошем урожае. В противном случае после нескольких лет работы бросают землю и уезжают в Европу». В то же время в земледелии применялись новейшие машины, что значительно сократило время сельскохозяйственных работ. «Вспахать, посеять и пожать теперь вопрос короткого времени».

Объединенные в Аграрную федерацию колонисты боролись «против разного рода притеснений со стороны землевладельцев и железнодорожных компаний»⁴. Дело доходило до забастовок колонистов. Машевич отмечал классовый антагонизм между колонистами и сельскохозяйственными рабочими. Когда последние выступали с требованиями об улучшении экономического положения, колонисты отказывались их признать и обращались за помощью к властям для подавления рабочих выступлений.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 134. Д. 6. Л. 2.

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 9. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 13.

Социально-классовая структура страны также отличалась своеобразием. «В Аргентине классовое размежевание проявляется крайне ярко – отсутствует средний класс и происходит быстрая пролетаризация мелкобуржуазных элементов. Это позволяет предполагать, – делал вывод Машевич, – что этого среднего класса и не будет»⁵.

Вместе с тем в докладе Машевича отсутствовала развернутая характеристика политических партий, за исключением социалистической. В деятельности правящей радикальной партии его интересовало отношение радикалов к рабочему движению, стремление правительства путем мелких уступок профсоюзам подчинить их своему влиянию. «Когда объявляется крупная забастовка этот отец (президент И. Иригойен. – *В.К.*) зовет к себе представителей ФОРА (аргентинская рабочая федерация под руководством синдикалистов. – *В.К.*), любезничает с ними, уговаривает, обещает, прикидывается другом рабочих и иногда достигает своих затаенных целей. Уступив кое-что он больше выигрывает взамен»⁶. По существу Машевич отмечал наметившуюся у правительства Иригойена политику национал-реформизма. Ей благоприятствовала позиция самих синдикалистов. Будучи противниками парламентаризма, участия в политической деятельности, они, принимая предложения президента, играли на руку правительству. Таким образом, отказываясь от политической борьбы, от проведения собственной политики, они поддерживали правительственную политику.

Иной была позиция социалистической партии, которая активно участвовала в аргентинской политике. Но ее участие, по мнению Машевича, не отвечало социалистическим целям. Это объяснялось особенностями страны. Поскольку в Аргентине отсутствовала либеральная партия европейского типа, социалистическая партия играла роль последней. Это привело к росту буржуазно-демократического влияния на партию, для которой основной задачей стала борьба за непосредственные цели, а «социализм оставался как украшение, как ярлык, так как в пропаганде он не фигурировал как основная цель, во имя которой борются. Принципы классовой борьбы естественно также бледнеют»⁷.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 9. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 3.

Реформистской тенденции противостояла революционная, что привело к расколу социалистической партии и образованию интернационально-социалистической, с декабря 1920 г. – коммунистической партии Аргентины (КПА). Все представители российских рабочих-иммигрантов в своих докладах в Коминтерн отмечали как положительный факт образование КПА, но критиковали ее за недостаточную боевитость, революционность в условиях подъема в стране рабочего движения, что объяснялось ее происхождением из реформистской социалистической партии.

Руководство КПА в лице ее генерального секретаря Р. Гиольди представил в Коминтерн свое видение аргентинских проблем. Во многих отношениях доклад Гиольди совпадал с оценками Машевича, но были и различия. Прежде всего, Гиольди преследовал цель, по его собственным словам, «покончить с незнанием Аргентины в Европе».

В оценке Гиольди и это было мнение всей партии, Аргентина являлась капиталистической страной. Но господствовал аграрный, а не промышленный капитализм, хотя страна и располагала некоторыми отраслями легкой промышленности. Аграрный строй характеризовался огромными латифундиями и ограниченным количеством мелкой земельной собственности. Господствующие арендные отношения носили капиталистический характер – «арендатор нанимает в среднем 20 пеонов (сельскохозяйственных рабочих)» и «располагает сельскохозяйственными орудиями». По своему социально-экономическому положению он мелкий буржуа. Гиольди отмечал его консерватизм, который объяснял двумя причинами – его надеждой разбогатеть и его огромным невежеством⁸.

В целом аргентинский капитализм носил паразитический характер. Гиольди указывал на абсентеизм сельских капиталистов, которые получали значительные доходы без больших усилий, редко посещали свои латифундии, живя постоянно в Буэнос-Айресе, Париже, Лондоне. Как и Машевич, Гиольди отмечал классовый антагонизм, между арендаторами-колонистами и пеонами, «когда перед лицом экономического конфликта, начатого пеонами, колонист-арендатор встает на сторону хозяина, против эксплуатируемого»⁹.

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 15. Л. 12.

⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 134. Д. 15. Л. 19.

Партийно-политическая система страны отличалась крайней неразвитостью и носила консервативный характер. Обе буржуазные партии – радикальная и консервативная – мало чем отличались друг от друга. «Между ними нет явных различий, обусловленных различными капиталистическими интересами. Эти интересы у обеих партий в равной степени протекционистские, капиталистические и антирабочие»¹⁰. В отличие от Машевича, Гиольди обошел молчанием попытки правительства радикалов привлечь на свою сторону профсоюзы путем принятия ряда рабочих требований. Не защищали эти партии и различные формы капиталистической эксплуатации. «Они просто являются выражением персональных различий в одних случаях, или избирательных амбиций в других»¹¹. Иными словами они еще не стали собственно классовыми партиями, которые защищали бы специфические интересы той или иной группы капиталистов.

По мнению Гиольди, недалеко от них ушла и социалистическая партия, «которая объединяет мелкую буржуазию и эффективно сотрудничает с буржуазией». Сегодня можно сказать, что она также далека от социализма как аргентинские радикалы или консерваторы»¹².

Вскоре обсуждение аргентинских проблем началось и в открытой печати. В 1924 г. в журнале «Крестьянский Интернационал» была опубликована статья руководителей КПА Х. Пенелона и М. Контрераса «Аграрный вопрос в Аргентине». Авторы отмечали своеобразие аграрного развития страны. Оно вытекало, во-первых, из ее переселенческого характера, «недавней капиталистической колонизации» и, во-вторых, из начавшейся индустриализации сельского хозяйства, которая «организуется крупным капиталом». Крупный промышленный и финансовый капитал не только подчинил себе мелкую крестьянскую промышленность, но и делал ее существование «с каждым днем все труднее». По мнению авторов статьи, индустриализация деревни совершалась «в размерах совершенно отличных от размеров европейских стран»¹³.

Отличием был и классовый состав деревни. В Аргентине сель-

¹⁰ Там же. Л. 13.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Пенелон Х., Контрерас М. Аграрный вопрос в Аргентине // Крестьянский Интернационал. 1924. №7–9. С. 111.

ское хозяйство в основном состояло из безземельных крестьян, тогда как, например, в США и Франции они на две трети были собственниками. В Аргентине аграрный строй характеризовался огромной концентрацией земельной собственности, господством латифундий. На этом основании Пенелон и Контрерас делали вывод, что «классовое расслоение здесь гораздо заметнее, чем в европейских странах». Режим крупного капитализма, применяемый к отсталой деревенской среде, в процессе своего развития углубляет классовые противоречия и борьбу классов¹⁴.

Авторы статьи ничего не сказали об общественно-экономическом содержании борьбы, о характере будущей революции. Это сделал долго живший в Аргентине М. Ярошевский в своей статье «К аграрной проблеме Южной Америки», опубликованной в тех же номерах «Крестьянского Интернационала». Ярошевский своеобразно революционной борьбы в южноамериканских странах видел в том, что «в них наряду с элементами пролетарской революции, порожденными сильно централизованным капиталистическим хозяйством города, объективно созрели элементы глубокой аграрной революции»¹⁵.

Ни Ярошевский, ни Пенелон с Контрерасом не выделяли как важнейший фактор господство иностранного капитала в Аргентине и других южноамериканских странах, что свидетельствовало об определенной недооценке антиимпериалистической борьбы. Этот недостаток постарался восполнить ответственный работник Коминтерна и член руководства КПА В. Кодовилья в серии статей, опубликованных в журнале «Коммунистический Интернационал».

Кодовилья обращал внимание на быстрое проникновение империализма в страны Южной Америки и подчеркивал, что решение всех национальных проблем этих стран связано с борьбой против империализма. В то же время он отмечал его двойственную роль, препятствуя развитию национальной промышленности в целом, он в зависимости от своих интересов мог способствовать развитию тех или иных ее отраслей.

Поскольку антиимпериалистическое движение носило общенациональный характер, борьба против империализма должна опи-

¹⁴ Там же. С. 113–114.

¹⁵ *Ярошевский М.* К аграрной проблеме Южной Америки // Крестьянский Интернационал. 1924. № 7–9. С. 100.

раться на более широкую социальную базу – помимо рабочих она должна включать крестьянство и городскую мелкую буржуазию¹⁶.

Вместе с тем, Кодовилья проводил дифференциацию латиноамериканских стран по уровню их социально-экономического развития, выделяя Аргентину как наиболее развитую страну. Но и Аргентина, по словам Кодовильи, не представляла собой единого целого: «наиболее развитые центральные районы, которые напоминают по своему развитию европейские страны», соседствуют с «Патагонией, Чако, Мисьонесом, где существует полуфеодальный уклад»¹⁷.

С конца 1920-х годов в советских периодических изданиях («Аграрные проблемы», «На аграрном фронте», «Мировое хозяйство и мировая политика») стали публиковаться статьи о положении в Аргентине, прежде всего по аграрному вопросу, чему способствовало создание в рамках Международного аграрного института (МАИ) специальной латиноамериканской секции. В начале 1930-х гг. при колониальном секторе Института мирового хозяйства и мировой экономики Коммунистической академии был организован кабинет Южной и Караибской Америки, на протяжении ряда лет являвшийся центром советской латиноамериканистики. Тогда же был издан ряд сборников статей по проблемам стран Латинской Америки, в которых значительное место было уделено Аргентине.

Сотрудник МАИ А. Волков, в серии статей об аграрных отношениях в Аргентине, постарался обосновать капиталистический характер ее аграрного строя. Отправная точка его исследования – первоначальное накопление, которое в Аргентине имело ряд сходных черт с аналогичным процессом в США. Как здесь, так и там процесс первоначального накопления шел за счет земель, экспроприированных у индейского населения. Но в дальнейшем развитие капитализма в этих странах пошло разными путями. В Аргентине, в отличие от США, захваченная у индейцев земля перешла не в собственность колонистов – европейских иммигрантов, а в руки крупных землевладельцев. В Аргентине, в отличие от США, практически не было бесплатного раздела земли среди колонистов. «Раздача гомстедов в Аргентине имело незначительное место. Аг-

¹⁶ Кодовилья, 1970. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 29.

рарная политика крупных землевладельцев, находившихся у власти в течение многих лет, сводилась к созданию в стране постоянной армии батрачества – дешевой рабочей силы для работы в крупных хозяйствах и громадная армия арендаторов-земледельцев»¹⁸. Фактически в Аргентине имело место «систематическая капиталистическая колонизация», хотя сам Волков не употреблял этот термин.

Второй (после латифундизма) особенностью аграрной эволюции Аргентины стало господство иностранного капитала в сельском хозяйстве страны.

Волков указывал, что для этого имелись исторические предпосылки. В отличие от развития сельского хозяйства США, которое шло в зависимости от роста городов, промышленности, внутреннего рынка, развитие сельского хозяйства Аргентины шло по линии «обслуживания» потребностей передовых капиталистических стран (Англия, США). Возникает закономерный вопрос: почему развитие аргентинского сельского хозяйства шло по линии обслуживания других стран, а не своей? Почему, в отличие от США, развитие сельского хозяйства Аргентины не шло на основе роста городов, развития промышленности? Волков ограничивал свой ответ указанием на проникновение в страну с первых дней независимости иностранного капитала, что не дало возможности Аргентине встать на путь самостоятельного капиталистического развития.

Развитие Аргентины, хотя и в меньшей степени, чем других латиноамериканских стран, носило полукOLONиальный характер. Зависимость от иностранного капитала проявлялась в исключительном развитии зернового и животноводческого хозяйств, куда он вложил значительные капиталы, и в искусственном торможении развития промышленности, оставляя Аргентину как рынок сбыта своей промышленности. Тем самым Аргентина превращалась в аграрно-сырьевой придаток мировой капиталистической системы. Помимо этого существовал огромный государственный долг, уплата процентов и погашение которого падали тяжелым бременем на Аргентину.

Внутри страны иностранный капитал занимал монопольное по-

¹⁸ Волков А. Аграрные отношения в Аргентине // Аграрные проблемы. 1930. № 1. С. 97.

ложение в скупке урожая. Фирмы «Дрейфус» и «Бунхе и Борн» контролировали 80% экспорта аргентинской продукции, диктуя фермерам-арендаторам цены на нее. Последние, не имея складских помещений для хранения урожая, вынуждены были продавать его на корню. В стране отсутствовала сеть элеваторов. Скупка урожая осуществлялась через посредников – местный торгово-ростовщический капитал (торговцы, помещики, арендаторы-предприниматели). Попытка Аграрной федерации (организация мелких и средних земледельцев) организовать ? связь производителей с мировым рынком не удалась.

Иностранному капиталу принадлежала монополия на железные дороги, что позволяло ему устанавливать высокие железнодорожные тарифы и изымать у фермеров значительную часть их доходов.

Монопольное положение занимал иностранный капитал и в области кредитования сельского хозяйства. При существовавшей в Аргентине системе арендных отношений крупные сдатчики земли (латифундисты, арендаторы-предприниматели) являлись той «кредитопроводящей линией», по которой иностранный капитал регулярно выбрасывал в аргентинскую деревню крупные ссуды, которые посредством торгово-промышленного капитала доходили до мелких арендаторов и земельных собственников.

И, наконец, мясохладобойная промышленность – нерв экономической жизни страны – целиком принадлежала иностранному капиталу. Попытка аргентинского правительства организовать собственные мясохладобойные предприятия (фригорифики) из-за давления иностранных фирм потерпела неудачу.

По мнению Волкова, капиталистические отношения господствовали во всех сельскохозяйственных районах страны, имея специфику в каждом из них. Так в зоне технических культур (провинции Мендос, Сан-Хуан, Катамарка, Ла-Риоха, Тукуман) на базе искусственного орошения количественно преобладали небольшие хозяйства с сильно развитыми капиталистическими отношениями, но большая часть земли концентрировалась в латифундиях, специализировавшихся на разведении племенного скота.

Показательным признаком капиталистического характера сельского хозяйства этого района являлся найм рабочей силы. Если значительная часть мелких хозяйств прибегала к нему на период уборки урожая, то хозяйства свыше 25 га постоянно пользовались

рабочей силой. На сахарных плантациях Тукумана на период уборки урожая было занято до 110 тыс. рабочих, из которых 30 тыс. приходили из других районов.

Напротив, в главном сельскохозяйственном районе (провинции Буэнос-Айрес, Санта-Фе, Энтре-Риос, Кордова Ла-Пампа), который специализировался на производстве зерна и мяса, хозяйства отличались размерами, во много раз превышавшими размеры хозяйств в Европе и даже в США и Канаде. Размер хозяйства у арендаторов сильно колебался в зависимости от конъюнктуры на мировом хлебном рынке. В случае благоприятной конъюнктуры – к обработке возможно большего количества земли, в случае неблагоприятной – к уменьшению запашки. Такая спекулятивная аренда обуславливала экстенсивный характер земледелия, что прямо влияло на урожайность, по которой Аргентина занимала последнее место среди мировых производителей зерна (Канада, США, Аргентина). Рациональному ведению хозяйства мешал также недостаток средств у арендаторов. Все это вело к хищнической обработке земли. Этому также способствовала монокультура. В результате в целом ряде районов земля была выпажана.

Волков не исключал возможности дальнейшего экстенсивного ведения хозяйства, поскольку в стране имелся значительный фонд неиспользуемых земель. Что же касалось уже обрабатываемых земель, то их дальнейшую эксплуатацию он связывал с переходом к интенсивному ведению хозяйства. В этом случае развитие сельского хозяйства могло идти двумя возможными путями: оставаясь монокультурным, оно могло поддерживать плодородие почвы путем внесения искусственных удобрений; путем перехода к многопольным севооборотам, дающим возможность восстанавливать потерянное плодородие почвы.

Животноводческие хозяйства как крупные, так и мелкие, являлись чисто капиталистическими, в которых были заняты значительные контингенты батраков. В пределах хозяйств существовали различные социальные прослойки, начиная с мелких собственников и арендаторов и кончая крупными капиталистическими.

Господство латифундизма создало искусственный земельный голод, что выражалось в наличии огромной армии арендаторов – 80% от общего количества крестьянских хозяйств, в значительном числе малоземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

Существовавшие формы капиталистической аренды из-за хищ-

нических приемов обработки земли не просто задерживали, но ставили под угрозу дальнейшее развитие аргентинского сельского хозяйства.

Наряду с чисто предпринимательской арендой существовала кабальная, в том случае, когда она была связана договором с помещиком-скотоводом или с крупным арендатором-предпринимателем. В этом случае контракт представлял собой одностороннее обязательство арендатора по отношению к землевладельцу. В качестве примера Волков приводит типовой договор, в котором из 27 пунктов 26 касались обязанностей арендатора по отношению к землевладельцу. Обязанности же последнего ограничивались только представлением земли и некоторых «услуг». Договор также включал обязательство арендатора засеять поле люцерной, чтобы скотовод мог использовать это искусственное пастбище для откорма скота. В этом собственно и заключался механизм подчинения зернового хозяйства нуждам крупнокапиталистического животноводства.

По мнению, Волкова, такой контракт не менял капиталистического характера животноводческого хозяйства. На капиталистический характер экстенсивного животноводства Аргентины ясно указывали данные о применении рабочей силы. В среднем, хозяйство с площадью в 2500 га имело 14 человек персонала, из которого 12 были рабочими. Затраты на рабочую силу в общей сумме расходов составляли в среднем 8–10%¹⁹.

В целом сельское хозяйство Аргентина характеризовалось очень высокой товарностью. Капиталистический характер хозяйств ярко сказывался в способности быстро реагировать на изменение конъюнктуры мирового рынка – быстро перестраиваться в зависимости от спроса на продукты земледелия или животноводства.

Точка зрения Волкова о капиталистическом характере аргентинского сельского хозяйства подверглась критике со стороны заведующего Латиноамериканским лендерсекретариатом Исполкома Коминтерна Г. Синани. Синани не отрицал развития капитализма в сельском хозяйстве Аргентины, как и других латиноамериканских стран. Но это развитие происходило в условиях полуколониальной

¹⁹ Волков А. Аргентина // Кризис в странах Латинской Америки. М., 1932. С. 90.

зависимости от империализма и в тесном переплетении с отношениями докапиталистическими. Капиталистическая эксплуатация органически переплеталась с пережитками феодализма. Господство империализма не освобождало крестьянские массы от полуфеодальной кабалы, а сохраняло ее.

Но как раз по этому важнейшему вопросу Волков путался. По Волкову выходило, что господство империализма вело к быстрому развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве Аргентины, других латиноамериканских странах и таким образом пережитки феодализма в аграрном строе уже не являлись господствующими. На самом деле, отношения формального найма лишь маскировали существовавшую полуфеодальную эксплуатацию крестьян.

Волков не видел, что империализм не только заинтересован в развитии капитализма, но и в том, чтобы оно происходило на основе полуфеодальной эксплуатации непосредственных производителей, что господство империализма являлось важнейшим условием для господства полуфеодальных отношений. Все это вело к тому, что развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве этих стран происходило в уродливых, наиболее тяжелых и каменных для масс формах.

Для «метода» Волкова, по словам Синани, было характерно «полное смешение техники и производственных отношений, землевладения и землепользования, форм землепользования и классовых отношений [...]», он оперирует понятием «мелкий производитель», сваливая в одну кучу «мелкого плантатора», крестьянина-собственника и арендатора, находившегося в полуфеодальной зависимости от помещика и иностранных компаний²⁰.

Исходя из этих неверных взглядов он непомерно преувеличивал объем и значение капиталистических отношений, прямо говоря «о капиталистическом характере аргентинского сельского хозяйства». «Тем самым, – делал вывод Синани, – игнорируются остатки феодализма, их громадная роль, наличие двойного гнета – гнета империализма и феодалов, то есть в конечном счете игнорируются задачи буржуазно-демократической революции»²¹.

²⁰ Синани Г. Рецензия. Кризис в странах Латинской Америки // Аграрные проблемы. 1932. № 8–9. С. 119.

²¹ Там же. С. 120.

Обстоятельно, в историческом плане, аграрный вопрос в Аргентине рассмотрел В.М. Мирошевский, ставший пионером в изучении стран Латинской Америки в СССР²². Как и Синани он утверждал, что проникновение иностранного капитала не ликвидировало докапиталистические формы, но наоборот, закрепило их и даже воспроизводило на расширенной основе в тесном переплетении с капиталистическими формами. Недооценка значения докапиталистических форм эксплуатации трудящихся и их связи с господством иностранного капитала как раз присутствовала в статьях Волкова, где иностранное землевладение характеризовалось как «крупное капиталистическое хозяйство» и утверждалось о «капиталистическом характере аргентинского сельского хозяйства».

Мирошевский на конкретных примерах показал ошибочность такой постановки, что в действительности развитие капитализма в сельском хозяйстве Аргентины и других стран Латинской Америки происходило в крайне уродливых, тяжелых и кабальных для трудящихся формах, что под внешними формами капиталистического «наемного труда» или формами капиталистической «аренды» сплошь и рядом скрывались полуфеодалские формы эксплуатации, которые всемерно поддерживал и укреплял иностранный капитал.

Для того, чтобы понять почему сложилась такая социально-экономическая структура, Мирошевский обратился к рассмотрению основных этапов развития аграрных отношений в Аргентине и других латиноамериканских странах. Конкиста – завоевание Америки испанцами и португальцами – принесла с собой лати-фундизм в виде «энкомьенды» (попечительства над индейцами) – настоящее феодально-крепостническое поместье и наряду с этим рабовладельческую плантацию, на которой работали негры-рабы.

Мирошевский задавался вопросом: Как объяснить тот факт, что с самого начала колониальной истории стала развиваться крупная земельная собственность феодально-крепостнического типа? Почему развитие аграрных отношений не пошли здесь по пути США, где докапиталистические формы не получили широкого распространения и где, наоборот, развивались свободные, самостоятель-

²² *Мирошевский В.М.* Аграрный вопрос в Южной и Караибской Америке // Проблемы Южной и Караибской Америки. М., 1934. С. 139–198.

ные крестьянские хозяйства, представлявшие наилучшие условия для будущего развития капитализма? Иначе говоря, каково происхождение латифундизма?

При ответе на этот вопрос, Мирошевский исходил из рассмотрения всей совокупности как внутренних, так и внешних условий развития этих стран.

Прежде, определенный уровень развития индейского населения Южной Америки (инки, ацтеки) позволял их систематическую эксплуатацию, в отличие от североамериканских индейцев, находившихся на более низкой ступени развития (охота и собирательство).

В результате слабого развития капитализма в Испании основная масса иммигрантов состояла из знати и деклассированных элементов, которые не были готовы осесть на завоеванных землях в качестве фермеров. Иначе обстояло дело в Северной Америке. Здесь наряду с аристократическими и люмпен-пролетарскими элементами переселялись многочисленные крестьяне и ремесленники, привыкшие к тяжелому труду, воспитанные на идеях английской революции XVII в., представлявшие отличный материал для демократически-капиталистической колонизации, основанной не на феодальной латифундии, а на принципах мелкого самостоятельного фермерского хозяйства.

Разница в естественно-географических условиях также сыграла свою роль. В Южной Америке существовали благоприятные условия для крупного плантационного хозяйства: тропический и субтропический климат давал возможность получать огромные урожаи при экстенсивных формах земледелия, что допускало применение малопродуктивного рабского и крепостного труда. В Северной Америке в зоне умеренного климата принудительный труд и экстенсивное земледелие давало бы меньший прибавочный продукт, чем в Южной Америке.

Все это объясняло, почему в Южной Америке исходной точкой развития аграрных отношений стали рабовладельческая латифундия и феодально-крепостническое поместье.

Завоевание независимости латиноамериканскими странами не только не привело к ликвидации в них латифундизма, но наоборот, вызвало его дальнейшее укрепление и развитие. Почему это произошло? Для ответа на этот вопрос Мирошевский снова приводит историческую параллель с США. В США также имелись элементы

докапиталистического латифундизма, однако они не укоренились и были сломлены капиталистическим развитием, хотя пережитки рабства на юге США сохранились до XX в. Между тем в Южной Америке ни война за независимость, ни последовавшие за ней многочисленные и продолжительные гражданские войны не только не ослабили, но наоборот, усилили латифундизм.

В чем причина коренного различия аграрных отношений в США и странах Латинской Америки после завоевания ими независимости? Мирошевский видел их в различном характере национально-освободительной борьбы. В США она стала буржуазной революцией, в латиноамериканских странах дело ограничилось освобождением от Испании, национально освободительная борьба не переросла в буржуазную революцию.

В США были социальные силы для успешной буржуазно-демократической революции и торжества капитализма в городе и деревне. Этими силами были фермерство и городская мелкая буржуазия, развивавшиеся на основе самостоятельного мелкого производства, которое с начала колонизации пустило глубокие корни.

В Южной Америке к моменту отделения от метрополии таких сил фактически не было. Не было фермерства – носителя буржуазно-демократической тенденции. В начале XIX в. почти не было буржуазии, непосредственно связанной с производством, за исключением тонкого слоя ремесленников. Мелкая буржуазия носила «посреднический», паразитический торгово-ростовщический характер. Она была тесно связана с латифундизмом и не способна выступить против него. Поэтому борьба за независимость с начала и до конца возглавлялась прогрессивными помещиками и крупными купцами, которые, пользуясь слабостью и неорганизованностью трудящихся масс, смогли разгромить массовое движение там, где оно шло по линии аграрной революции, или подчинить массы своим интересам. Эти либеральные помещики и купцы не только не были заинтересованы в ликвидации латифундизма, но напротив, способствовали его еще большему расцвету. Республиканские правительства раздавали землю своим фаворитам и иностранным капиталистам, у которых они искали дипломатической поддержки и займов. Неспособность антииспанских «революций» и войн, по мнению Мирошевского, сколько-нибудь решительно ударить по докапиталистическим отношениям была основной причиной закрепления средневекового латифундизма в XIX–XX вв.

Но латифундизм не только сохранился, но вырос, развился и окреп в XIX–XX вв. Почему и как это произошло? Мирошевский искал ответ в изменении внешнеторговых связей латиноамериканских стран. Важнейшим результатом войны за независимость стала отмена ограничений внешней торговли. Иными словами, ликвидация торговой монополии Испании. Независимость открыла перед ними возможность свободно и открыто торговать со всем миром. Возрастание экспортных возможностей сельского хозяйства побуждало латифундистов расширять свои владения путем захвата земель у крестьян и «диких» индейских племен. В Аргентине в результате походов генерала Х.А. Рока в 1879 г. против индейцев, они были уничтожены, а отобранные у них земли перешли в государственный фонд и были распроданы за бесценок правительственным фаворитам, крупным помещикам, богатым коммерсантам, а также иностранным капиталистам. Это дало мощный толчок развитию латифундизма. В качестве примера Мирошевский привел завещание помещика Диего Альвеара, который завещал своим наследникам в середине 1890-х годов площадь в 27 тыс. кв. км, то есть площадь равную почти всей территории Бельгии²³.

Завоевание независимости принесло не только свободу торговли, но и открыло латиноамериканские страны для экспансии иностранного капитала, что дало мощный толчок развитию латифундизма. Иностранные капиталисты за бесценок скупали государственные земли и присваивали земли крестьян, которых они разоряли путем политики низких закупочных цен.

Экспансия иностранного капитала имела не только экономические, но и далеко идущие социальные последствия: превращение «национальных» помещиков в опору иностранного капитала по изъятию прибавочного продукта у крестьян. Сращивание «национального» крупного землевладения с иностранным капиталом и подчинение ему докапиталистических форм эксплуатации крестьян, стало могучим фактором укрепления и развития латифундизма.

В последней четверти XIX в. началась массовая европейская иммиграция в Аргентину. Это поставило латифундистов перед серьезной проблемой. Иммигранты стремились осесть на земле в качестве самостоятельных мелких собственников. Латифундисты же были заинтересованы в том, чтобы помешать им в этом и исполь-

²³ *Мирошевский В.М.* Указ. соч. С. 148.

зывать их в качестве дешевой рабочей силы.

Для достижения этих целей были использованы следующие меры. Власти поощряли иммиграцию из экономических отсталых районов Южной Европы. Эти иммигранты не имели средств для покупки земли и были вынуждены наниматься к помещикам в качестве батраков или снимать у них землю в аренду на самых кабальных условиях. Одновременно правительство создавало иммигрантам затруднения в приобретении земли, не обеспечивая их кредитами, необходимыми для обзаведения собственным хозяйством. Колонизация осуществлялась через колонизационные компании с обязательством заселить земли колонистами. Но последним доставалась лишь минимальная часть земли. Львиная доля оставалась у колонизационных компаний, которые таким образом превращались в латифундистов.

Мирошевский постарался показать, что даже в Аргентине, относительно более развитой, чем другие латиноамериканские страны, существовали аграрные отношения, в основе которых переплетались феодальные и капиталистические формы эксплуатации, причем элементы феодализма составляли основу, которую прикрывали и маскировали капиталистические отношения.

В центре его анализа существовавшая в латифундиях система производственных отношений. Он выделял аренду как их господствующую форму. Аренда являлась образцом сочетания полуфеодальной эксплуатации с капиталистической. При этом Мирошевский ссылаясь на оценку Лениным характера аренды в южных штатах США как «полуфеодальной, полурабской издольщины» далекой от европейского, культурного капитализма.

Мирошевский рассматривал издольщину как главный пережиток феодально-крепостнических отношений. Помещик, опираясь на монополию земельной собственности, имел возможность диктовать крестьянину самые тяжелые условия аренды. Арендная плата чаще всего выплачивалась натурой, в виде доли урожая. Помимо этого, арендатор облагался различными денежными и натуральными поборами и обязательствами. В арендный договор включалось обязательство арендатора покупать товары в лавке помещика по спекулятивным ценам, пользоваться сельскохозяйственными машинами помещика, который брал за это плату, страховать посевы в страховых компаниях, указанных помещиком. Особенно большое значение имело обязательство арендатора про-

давать урожай своему помещику по крайне низким фиксированным ценам. На арендатора также налагались различные трудовые повинности. Мирошевский усматривал в этом систему отработок, которая, по его словам, представляла собой разновидность феодально-крепостнической барщины.

Крестьянин, и хотя и вел хозяйство собственными орудиями труда, был вынужден подчиняться принудительной регламентации помещика. Эта регламентация включала в себя контроль со стороны помещика объема и характера крестьянской продукции. Помещик указывал, что и когда сеять. Эта принудительная регламентация ставила арендаторов в полную зависимость от помещика, превращала его хозяйство в простой придаток помещичьего хозяйства. По существу, как справедливо отмечал Мирошевский, сдача земли помещикам-скотоводам (эстаньеро) была вызвана стремлением превратить стеной участок, мало пригодный для скотоводства, в хороший выгон для скота. Поэтому арендный договор заключался на короткий срок (2–3 года) и к концу последнего года арендатор обязан был засеять участок люцерной (кормовой травой) и в таком виде возвратить его владельцу.

Пережитком докапиталистических отношений было и господство торгово-промышленного капитала в деревне. Мирошевский опирался на мнение Ленина, который допускал как развитие торгово-ростовщическим капиталом капитализма в сельском хозяйстве, так и торможения им этого развития. Но в целом, отмечал Мирошевский, Ленин указывал, что самостоятельное развитие торгового капитала стоит в обратном отношении к степени развития капиталистического производства, чем сильнее он развит, тем слабее развитие промышленного капитализма и наоборот.

В Аргентине и других латиноамериканских странах, торгово-ростовщический капитал чаще всего выступал самостоятельно от капиталистического производства и, наоборот, в тесной связи с докапиталистическими способами производства. Он был теснейшим образом связан с латифундизмом. Торгово-ростовщический капитал – это триада: лавочник, ростовщик и скупщик крестьянских продуктов. Он не только не разрушал зависимость крестьян от латифундиста, но, напротив, закреплял эту зависимость на основе докапиталистических форм эксплуатации – долгового рабства, кабальной аренды. Сплошь и рядом сам помещик выступал в роли владельца деревенской лавки, скупщика и ростовщика.

В тех случаях, когда помещик не выступал сам в роли представителя торгово-ростовщического капитала, в этой роли выступали люди, не связанные с капиталистическим производством ни в городе, ни в деревне. Прежде всего это сельский лавочник, от которого крестьянин-арендатор зависел в получении товаров для дальнейшего потребления, равно как и орудий труда для сельскохозяйственного производства. Производитель попадал в финансовую зависимость от лавочника, особенно если его задолженность возрастала вследствие неурожая. В этом случае арендатор был вынужден закладывать свой урожай у торговца или давать ему право на реализацию урожая на невыгодных условиях, чтобы таким образом покрыть свою задолженность. Такая зависимость крестьянина от торговца-монополиста задерживала развитие производительных сил в сельском хозяйстве, мешала развитию капитализма.

Такую же роль играл и скупщик, который диктовал крестьянину самые тяжелые условия. Освободиться от этой зависимости, добиться экономического благосостояния крестьянин мог, если ему давалось установить непосредственную связь с рынком, минуя посредника-скупщика.

От торговца и скупщика не отставал и ростовщик, который являлся посредником между городскими банками и крестьянами. Финансовой базой ростовщиков являлись средства, представленных им «национальными» или иностранными банками. Посредничество сельского ростовщика приводило к замене их капиталистического кредита отсталыми «средневековыми» формами, что задерживало развитие капитализма в хозяйстве арендатора. Как дорого обходилось посредничество дают данные: национальный банк взимал за представленные ростовщиком ссуды 6,5%–7%, а ростовщик брал с крестьян не менее 12%–14%²⁴. Такое посредничество сельского ростовщика удорожало ссуду вдвое и являлись фактором не развития капитализма, а его торможения.

Мирошевский не отрицал развития капитализма в сельском хозяйстве Аргентины, показателем чего являлось применение наемного труда и использование сельскохозяйственной техники, но все это сочеталось с докапиталистическими формами эксплуатации. Показателем капиталистического развития сельского хозяйства являлась степень развития товарных отношений. Высокая степень

²⁴ *Мирошевский В.М.* Указ. соч. С. 174.

"товаризации" сельского хозяйства была обусловлена существованием "монокультурных" районов (специализировавшихся на производстве одного товара на мировой рынок), которые удовлетворяли свои потребности через рынок.

Вместе с тем применение вольнонаемного труда в аргентинских латифундиях имело второстепенное значение, поскольку в них преобладала полуфеодалная аренда. В типичной эстансии, как правило, было занято 2 рабочих, которые ежемесячно получали зарплату по 40 песо, и один надсмотрщик с зарплатой в 80 песо. Ежемесячные расходы на зарплату составляли 160 песо²⁵. Таким образом, делал вывод Мирошевский, роль наемного труда в латифундиях была совершенно ничтожная.

Об использовании наемного труда можно было говорить только применительно к крупным крестьянским (кулацким) хозяйствам, как на собственной, так и арендованной земле. Эти хозяйства не сдавали землю ни в аренду ни в субаренду и, следовательно, полуфеодалная эксплуатация не являлась основной формой получения прибавочного продукта. Только в этих хозяйствах (от 4,6% до 8,4%) всех крестьянских хозяйств применение вольнонаемного труда являлось главенствующим²⁶. Хотя применение вольнонаемного труда имело первостепенное значение лишь для небольшого числа хозяйств, их количество постепенно росло, что свидетельствовало, по словам Мирошевского, о развитии капитализма.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Аргентины, как и в других странах, было возможно двумя путями: через оформление кулачества и через обуржуазивание части помещиков. Политическим выражением этого процесса являлся блок «либеральной» части помещиков с национальной буржуазией.

В этой связи Мирошевский критиковал социал-реформистскую концепцию капиталистического характера аргентинского сельского хозяйства лидера аргентинских социалистов Х.Б. Хусто. Согласно Хусто аграрное развитие Аргентины происходило «на основе систематической капиталистической колонизации», которая состояла в искусственном создании многочисленного сельскохозяйственного пролетариата, которому затруднялся доступ к земле путем систематического искусственного повышения цены на зем-

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 179.

лю. Пролетарий, желающий приобрести клочок земли, вынужден был предварительно несколько лет работать в качестве наемного рабочего. Согласно этой теории (Мирошевский не говорит, что ее автором был не Хусто, а К. Маркс) латифундизм с его полуфеодальными пережитками не только не являлся препятствием для развития капитализма, но, напротив, послужил формой «систематической капиталистической колонизации», а помещики выступали в роли организаторов и проводников капитализма. На самом деле, за словами Хусто о «систематической капиталистической колонизации» стояло не оправдание латифундизма, который он решительно отрицал, а иной взгляд на аграрное развитие Аргентины.

Мирошевский не отрицал, что возможны разные формы буржуазного развития и что это развитие могло быть возглавлено даже крупными помещиками – так называемый «пруссский» путь развития.

Но тут же задает вопрос, возможна ли его победа в конкретных условиях полуколоний в эпоху империализма? Под «пруссским» путем он понимал его ленинское определение, когда помещичье хозяйство становилось все более буржуазным, постепенно заменяя крепостнические приемы эксплуатации буржуазными. Мирошевский отвечал на этот вопрос отрицательно, считая, что докапиталистические пережитки не исчезают, а сохраняются.

Развитие капитализма ведет не к их исчезновению, а сохранению, к переплетению их с возникшими капиталистическими отношениями, к подчинению докапиталистических отношений интересам иностранного капитала, в превращение их в главную опору империализма, что приводит к торможению развития производительных сил и «национального» капитализма.

Поэтому, заключал Мирошевский, победа «пруссского» пути невозможна в полуколониях при сохранении господства империализма, как невозможна при сохранении господства империализма их «деколонизация», их самостоятельное капиталистическое развитие.

Общий итог подвел Синани: все латиноамериканские страны – полуколонии, которые находились в различной степени зависимости от Англии и США, сохраняя лишь относительную политическую самостоятельность. Все они были отсталыми аграрно-сырьевыми придатками развитых капиталистических стран, в которых отсутствовала тяжелая промышленность, а существовавшие

отрасли легкой и горнодобывающей промышленности принадлежали иностранному капиталу. Железнодорожная сеть также принадлежала иностранному капиталу и развивалась в его интересах, а не для обеспечения внутривозвратного и политического единства страны, не для преодоления ее раздробленности на отдельные, почти не связанные между собой районы, а для связи этих районов через морские порты с мировым рынком.

В сельском хозяйстве интересы иностранного капитала диктовали монокультуру, что вело к еще большей зависимости от империализма, к закреплению господства остатков феодализма и рабства в социально-экономическом строе латиноамериканских стран. С одной стороны, иностранный капитал ускорял товаризацию сельского хозяйства и дифференциацию крестьянства, что создавало предпосылки для развития капиталистических отношений, но в то же время являлся величайшим тормозом для их роста и развития производительных сил. Стремясь к получению возможно более дешевого сельскохозяйственного сырья при минимальных затратах, иностранный капитал был заинтересован в получении прибавочного продукта непосредственного производителя на базе полуфеодалных и полурабских отношений, но и собственное хозяйство он строил на основе тех же докапиталистических форм эксплуатации.

Господство пережитков феодализма в аграрном строе выражалось в повсеместном господстве крупного помещичьего землевладения. В Аргентине, где капиталистические отношения были развиты больше, чем в других латиноамериканских странах, помещикам принадлежало почти 95% земли. Так, вся обрабатываемая земля в провинции Буэнос-Айрес находилась в руках 5–6 человек, а в провинции Санта-Фе 5 владений имели более 1,5 млн га²⁷. Основным типом крестьянина являлся арендатор, опутанный целым рядом полуфеодалных повинностей. Только безусловное меньшинство крестьянства являлось самостоятельными земельными собственниками, формально «свободными», но со всех сторон опутанных ростовщическими долгами и «авансами» торгового капитала и иностранных предприятий, основную массу крестьянства

²⁷ Синани Г. Социально-экономическая структура и характер революции в странах Южной и Карибской Америки // Проблемы Южной и Карибской Америки. М. 1934. С. 9.

составляла беднота, придавленная латифундиями.

Основу господствующего класса составляли полуфеодалные помещики – необходимое звено в системе империалистического господства, но в тоже время теснейшим образом связанных с местной «национальной» буржуазией. Оставаясь фигурой полуфеодалной, помещик наряду с эксплуатацией крестьян, находящихся от него в полукрепостнической зависимости, эксплуатировал и наемных рабочих. Значительная часть помещиков вкладывала свои капиталы в банки и промышленные предприятия, выступая в качестве капиталистических предпринимателей. Таким образом происходило известное «сращивание» полуфеодалных помещиков с буржуазией. Грани между этими классами оказывались размытыми.

В свою очередь значительные слои буржуазии росли отпочковываясь от класса помещиков, сочетая свое капиталистическое хозяйство с ведением полуфеодалного хозяйства в деревне. В тоже время большую роль в возникновении местной буржуазии играла компрадорская (посредническая), роль, которую она выполняла для иностранного капитала. Таким образом уже в силу своего исторического происхождения буржуазия оказывалась связанной и с помещиками и с иностранным капиталом. И являлась по преимуществу торгово-ростовщической, ориентированной на внешний рынок и заинтересованной во внутреннем рынке прежде всех как в источнике возможно более дешевого сырья. Отсюда прямая заинтересованность ее значительных слоев в сохранении полуфеодалных методов эксплуатации. Собственно промышленная буржуазия оставалась неразвитой, так как основная масса промышленных предприятий принадлежала иностранному капиталу.

Слабое индустриальное развитие обуславливала немногочисленность фабрично-заводского пролетариата, большой удельный вес рабочих мелких предприятий и ремесленных мастерских. Большинство рабочих составляли иммигранты, слабо связанные с местным населением. Рассматривая себя как временных жителей, они не были заинтересованы в участии в политической жизни страны. Это не только затрудняло консолидацию пролетариата, но и отрывало его иммигрантские слои от борьбы местных трудящихся. Политическим и организационным следствием всех этих особенностей стало господство анархистских, анархо-синдикалистских и реформистских влияний в рабочем движении.

Одновременно слабое развитие промышленности, работающей на внутренний рынок, обусловило сохранение многообразного ремесленного производства, что вело к развитию мелкой городской буржуазии, тесно связанной с господствующей социально-экономической структурой.

Из особенностей социально-экономической и классовой структуры Синани выводит и особенности классового характера: отсутствие самостоятельных классовых партий буржуазии и помещиков и господство различных буржуазно-помещичьих группировок и клик. Этого принципиально не меняло и то, что аргентинская радикальная партия имела, по сравнению с другими партиями более буржуазный характер. Но и она являлась буржуазно-помещичьей организацией, отстаивающей экономическое и политическое господство представляемого ею классового блока, ведущая роль в котором принадлежала помещикам, и который находился в тесном союзе с иностранным капиталом и подчинялся его руководству.

В тоже время Синани не отвергал существовавшие внутри буржуазно-помещичьего блока противоречий между помещиками и буржуазией. Но эти противоречия не достигали такой напряженности, которая позволила бы стимулировать самостоятельное классовое выступление буржуазии. Поэтому борьба за власть в государственных переворотах и «революциях» проходила не между различными классовыми партиями помещиков и буржуазии, а между различными буржуазно-помещичьими группировками и кликами.

Не отрицал Синани и существование национал-реформизма – «очень хилого и слабенького» – «третьего, промежуточного, колеблющегося лагеря». Он объяснял это чрезвычайно тесной связью «национальной» буржуазии с помещиками и иностранным капиталом, а также компрадорско-посреднической ролью значительной части мелкой буржуазии.

Играло свою роль и формальная политическая независимость страны, которая прикрывала ее действительную полуколониальную зависимость от империализма.

Такая оценка Синани национал-реформизма исходила из реальностей: военный переворот 1930 г. сверг правительство И. Иригойена, радикалы без боя уступили место диктатуре Х.Ф. Урибуру.

Первую попытку конкретно-исторического рассмотрения аргентинских проблем предприняла Е.Моджинская. Причины пере-

ворота 1930 г. она выводила из крайне обострившейся англо-американской борьбы за господство в Аргентине в условиях мирового экономического кризиса. Это привело к свержению Иригойена – «агента английского империализма» и приходу к власти «американофильствующего на словах и на деле Урибуру»²⁸.

Моджинская отмечала крайнюю пестроту социальной базы правительства Иригойена, большую роль, которую играла в его поддержке мелкая буржуазия, а также известную популярность, «которую он приобрел демагогией». Это сделало возможным организацию партии сторонников Иригойена – «персоналистов». Правительство Иригойена своей политической ориентацией на Англию, верно отражала интересы экспортеров. Наиболее ярким подтверждением этого был приезд в Аргентину в 1929 г. английской миссии во главе с лордом д'Аберноном и заключению англо-аргентинского торгового договора, в соответствии с которым Аргентина должна была произвести закупки продукции английской промышленности, главным образом для железнодорожного строительства и общественных работ на сумму 100 млн песо, а Англия на ту же сумму – продуктов аргентинского сельского хозяйства. Аргентина на 50% снижала пошлины на изделия английской текстильной промышленности и шелк, ставя их в лучшее положение по сравнению с товарами США. «Этот договор, – делала вывод Моджинская, – был серьезным ударом по интересам США и сильно способствовал обострению внешнеполитического положения правительства Иригойена»²⁹.

Англофильское поведение Иригойена, одновременно с целым рядом откровенных выпадов против США (отказ от подписания пакта Келлога, отказ назначить посла в Вашингтон, отказ послать делегатов на панамериканскую конференцию в сентябре 1929 г. и наконец много «исторических» мелочей, например отказ Иригойена приветствовать президента США Г. Гувера по поводу открытия радиотелефонной линии Нью-Йорк – Буэнос-Айрес (потом этот разговор все же состоялся), не могло не вызвать соответствующей реакции в американских кругах, не могло не создать предпосылок для заинтересованности США в падении правительства Иригойе-

²⁸ Моджинская Е. Экономический кризис и политический переворот в Аргентине // Мировое хозяйство и мировая политика. 1931. № 2-3. С. 101.

²⁹ Там же. С 103.

на.

Во внутривполитической жизни также отражалась англо-американская борьба. Столкновения Иригойена с отдельными группами национальной буржуазии Моджинская связывала с проникновением американского капитала в ряд аргентинских провинций, не раскрывая однако их содержание и ничего не говоря о попытке правительства Иригойена национализировать нефть, что вызвало в конечном итоге эти столкновения. К недовольству США политической обстановкой, затруднявшей экспансию американского капитала, добавлялось шаткое положение Иригойена внутри страны: падение авторитета власти в связи с переходящей все границы коррупцией правительственного аппарата, обострили все противоречия в политической жизни страны накануне переворота.

Главной причиной переворота, по справедливому замечанию Моджинской, было обострение кризиса в Аргентине. Политическая стабильность, которая как и в других полуколониальных странах, определялась состоянием экономики: до тех пор пока ее экономическое благополучие зависит от продажи одного-двух злаков на мировой рынке, политическая стабильность страны будет колебаться вместе с ценами на них.

Кризис и обострение в силу этого империалистического соперничества имели решающее влияние на сам переворот и характер нового правительства.

Моджинская характеризовала правительство Урибуру как военно-фашистскую диктатуру, в силу целого ряда причин его еще нельзя было назвать законченным типом фашистского государства. Противоречивость правительства Урибуру заключалась в том, что далеко не все социальные слои, на которые оно опиралось при перевороте, в дальнейшем могли быть его опорой. Активной силой переворота наряду с консервативными военными были студенчество и мелкая буржуазия. Студенты демонстрировали на улицах против Каса Росада (резиденция правительства), разбивали бюсты Иригойена, сжигали его портреты. Они выступали скорее не за Урибуру, а против Иригойена, против тяжести кризиса. Поэтому вскоре после переворота те же силы оказались в оппозиции к Урибуру.

В то же время, хотя переворот был большой победой США, так как был свергнут друг Англии – Иригойен, говорить о последовательной американской ориентации Урибуру, справедливо считала

Моджинская, было бы упрощать действительность. В своей политике Урибуру был вынужден лавировать между интересами английских и американских империалистов. Это объяснялось прежде всего двойственностью положения крупных земельных собственников, которые зависели в финансовом отношении в основном от Нью-Йорка, а в торговле от Лондона. Поэтому правительство Урибуру, официально заявляя о желании сблизиться с США и установить с ними теснейшую связь, не только не отворачивалась полностью от Англии, но даже зачастую шло ей навстречу.

Что касалось роли национальной буржуазии то точка зрения Моджинской заключалась в том, что «национальная буржуазия Аргентины неспособна на борьбу с империализмом», что обострение империалистического соперничества усиливает подчинение страны империализму, что «самостоятельной политики национальной буржуазии нет, также как нет подлинной индустриализации», что правительство Иригойена проводило пробританскую политику, подтверждением чего был англо-аргентинский договор 1929 г., который "благоприятствовал только интересам Англии"³⁰.

В те же годы в советской научной литературе наметилась тенденция, которая исходила из того, что в момент обострения межимпериалистической борьбы национальная буржуазия может стать руководящей силой в антиимпериалистическом движении и правительство, выражавшее ее интересы, способно на значительные успехи в деле национального освобождения. Авторы этой точки зрения Г. Наумов и М.А. Тамин основывались на реальных исторических фактах: попытке правительства президента Иригойена национализировать нефть, ограничить произвол железнодорожных компаний, проводить независимую внешнюю политику³¹.

Они исходили из того, что необходимо учитывать различные типы колониальной зависимости. На одном полюсе колониализма стояла Индия, лишенная не только экономической, но и политической самостоятельности. На другом полюсе были британские доминионы, которые пользовались относительно большими правами в области самоуправления государственными организмами и входили в состав Британской империи. Особое место занимал Китай, формально являвшийся самостоятельным государством, но факти-

³⁰ Моджинская Е. Указ. соч. С. 103, 105, 106.

³¹ Тамин, 1927. С. 128, 132, 140-141; Наумов, 1930. С. 3-4, 14-15, 120-128.

чески опутанный односторонними договорами и зависящий от произвола иностранных оккупантов, которые занимали своими войсками ряд важнейших городов. В данной связи Аргентина характеризовалась как вполне суверенное государство, но которая вместе с тем до войны, да и теперь в значительной мере, являлась объектом колониальной эксплуатации со стороны иностранного капитала.

Промышленные страны с точки зрения их экономической истории и хозяйственного положения подразделялись на две группы. На одной стороне страны, колонизированные европейцами, где туземное население было экспроприровано и большей частью истреблено и шло быстрое развитие капитализма. Важной их чертой являлось малочисленность населения по сравнению с территорией. Другую картину представляли два громадных азиатских государства с многомиллионным населением, в которых докапиталистический строй хозяйства оказался чрезвычайно живучим.

Промежуточное положение между этими крайними группами занимал Аргентина. Мировая война и первые послевоенные годы дали мощный толчок развитию в ней национальной промышленности. Промышленное развитие подгонялось с двух сторон. Повышенный спрос на сырье, продовольствие и фабрикаты для военных нужд увеличили общее накопление капитала в стране. С другой стороны само собой ликвидировалась промышленная конкуренция метрополий, которые не справлялись с собственными военными нуждами.

Вместе с тем авторы не отрицали, что вся экономическая политика империалистических стран в отношении Аргентины и других зависимых стран направлялась стремлением сохранить и усилить их зависимость, углубить их эксплуатацию и возможно больше задержать их самостоятельное развитие. Только под давлением особых обстоятельств буржуазия империалистических стран была вынуждена содействовать развитию промышленности. Но такое положение и такое направление развития не являлось угрозой для наиболее передовых промышленных стран, но создавало серьезную угрозу для тех стран (Англия, Япония) монополии и монопольные сверхприбыли которых, основывались в основном на колониальном господстве.

Аргентину отличало, помимо развития крупнокапиталистического сельского хозяйства, значительное развитие, по сравнению с

довоенным уровнем, многих отраслей легкой промышленности. Наумов приводит заключение об аргентинской промышленности из отчета председателя английской торговой миссии Бальфура, обследовавшей положение заокеанских рынков. «Можно сказать, – писал Бальфур, – что продукция всех фабрикатов, которые вообще производились в стране, поднялись по сравнению с 1914 г. в 2-3 раза, что, кроме того, существенные успехи достигнуты в отношении ассортимента и качества и что действие возобновившейся после войны иностранной конкуренции было менее сильным, чем это можно было ожидать»³².

В результате экспансии американского капитала прежнее монопольное положение Великобритании в значительной степени пошатнулось. Но англо-американское соперничество не затрудняло, а облегчало Аргентине борьбу против обеих стран за подлинную государственную самостоятельность.

Предпринятые правительством Иригойена шаги (попытка национализации нефти, ограничение железнодорожных тарифов) свидетельствовали о серьезных попытках освободиться из-под гнета иностранного капитала. Более того, оно стремилось стать центром движения за независимость стран Латинской Америки от США.

По мнению авторов, международное положение, характеризовалось крушением англо-американского блока, и обострение борьбы между ними было наиболее благоприятным для достижения этих целей Аргентиной. Вместе с тем авторы трезво оценивали пределы возможных успехов: о действительном и полном освобождении Аргентины из-под власти иностранного капитала говорить не приходилось. Эпоха империализма меньше всего этому благоприятствовала.

Изучение истории Аргентины как и других латиноамериканских стран развернулась уже в послевоенный период, но основные контуры подхода к изучению узловых проблем (аграрной зависимости от иностранного капитала) наметились в 1920–1930-е годы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Волков А. Аграрные отношения в Аргентине // Аграрные пробле-

³² *Наумов, 1930.* С. 124.

- мы. 1930. № 1.
- Волков А.* Аргентина // Кризис в странах Латинской Америки. М., 1932.
- Кодовилья В.* Избранные статьи и речи. М., 1970.
- Мирошевский В.М.* Аграрный вопрос в Южной и Караибской Америке // Проблемы Южной и Караибской Америки. М., 1934.
- Моджинская Е.* Экономический кризис и политические перевороты в Аргентине // Мировое хозяйство и мировая политика. 1931. № 2–3.
- Наумов Г.* Промышленное развитие колониальных стран. М., 1930.
- Пенелон Х., Контрерас М.* (Аргентина) Аграрный вопрос в Аргентине // Крестьянский Интернационал. 1924. № 7–9.
- Синани Г.* Рецензия. Кризис в странах Латинской Америки // Аграрные проблемы. 1932. № 8–9.
- Синани Г.* Социально-экономическая структура и характер революции в странах Южной и Караибской Америки // Проблемы Южной и Караибской Америки. М., 1934.
- Тамин М.А.* Америка на мировом рынке. М., 1927.
- Ярошевский М.* К аграрной проблеме Южной Америки // Крестьянский Интернационал. 1924. № 7–9.

REFERENCES

- Volkov A.* Agrarnye otnosheniya v Argentine // Agrarnye problemy. 1930. № 1.
- Volkov A.* Argentina // Krizis v stranah Latinskoj Ameriki. M., 1932.
- Codovilla V.* Izbrannye stat'i i rechi. M., 1970.
- Miroshevskij V.M.* Agrarnyj vopros v Yuzhnoj i Karaibskoj Ame-riке// Problemy Yuzhnoj i Karaibskoj Ameriki. M., 1934.
- Modzhinskaya E.* Ekonomicheskij krizis i politicheskie perevoroty v Argentine // Mirovoe hozyajstvo i mirovaya politika. 1931. № 2–3.
- Naumov G.* Promyshlennoe razvitie kolonial'nyh stran. M., 1930.
- Penelon J., Contreras M.* (Argentina) Agrarnyj vopros v Argentine // Krest'yanskij Internacional. 1924. № 7–9.
- Sinani G.* Recenziya. Krizis v stranah Latinskoj Ameriki // Agrarnye problemy. 1932. № 8–9.
- Sinani G.* Social'no-ekonomicheskaya struktura i harakter revolyucii v stranah Yuzhnoj i Karaibskoj Ameriki // Problemy Yuzhnoj i Karaibskoj Ameriki. M., 1934.

Tamin M.A. Amerika na mirovom rynke. M., 1927.

Yaroshevskij M. K agrarnoj probleme Yuzhnoj Ameriki // Krest'yanskij
Internacional. 1924. № 7–9.